

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

*Героика
Путешествия
Приключения
Поиск
Открытия*

ВЫПУСК

3

1972

ДВ82 + Р2-6

Д156

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

● ВЫПУСК ТРЕТИЙ ●

1778849 +

Хабаровская
краевая
БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1972

ПРИЮТ У ВОРОНЬИХ ПЕРЬЕВ

На древней земле негидальцев

Короткий разбег самолета — и мы в воздухе. Вездесущий АН-2 понес нас над тайгой. Перешагнули Мяо-Чан, и уже остались позади замысловатые извивы Горина. Вибрирует самолет. Четко стучит его железное сердце. Только с высоты можно по-настоящему оценить красоту Дальнего Востока: эту бесконечность тайги и голубого пространства, в которое, теряя очертания и как бы растворяясь, уходят горные вершины; эти горные плато и кряжи, эти озера, как зеркала, брошенные в зеленый бархат; реки, которые можно проследить от начала и до впадения их в океан. В полете человек как бы соединяет небо и землю воедино: реальный мир и еще не познанное пространство, раскрывающееся постепенно перед его пытливым взглядом.

Редкие высокие облака в небе не закрывают солнца, мы, глядя на землю, видим иногда, как на ее фоне проносится тень от самолета.

Наш путь лежит к одной из самых высоких вершин края, расположенной у истоков горной реки Нилан, которая извивается у поселка Попутного в районе имени Полины Осипенко. На самолете мы долетим до районного центра, далее нам трястись 120 км до Попутного на автомашине, а затем предстоит марш-бросок к горному хребту Дуссэ-Алинь.

Нас, туристов из Комсомольска-на-Амуре, пять человек: руководитель группы Юрий Хисматуллин, слесарь нефтеперерабатывающего завода, альпинисты Валерий Круглов, Клара Хабибуллина, Тамара Лавриненко и автор этих строк.

Хисматуллин сверяет путь самолета по карте. Вот внизу засветилось озеро Эворон, сверкнули извилистые реки Эвур и Харпичикан.

Солнце движется к западу. В его лучах показалось Чукчагирское озеро. Над зелеными островами висят серые облака. Белая полоса прибойя окаймляет серую воду, рассеченную длинными полосами. Вдоль этих полос ветер гонит беспокойные волны. Четко очерченные линии по-

бережья кажутся нарисованными. На одном из островов поблескивает небольшая чаша воды — озерцо в озере.

Площадь Чукчагирского озера 363 кв. км. Питают его многие речушки и ручьи, а вытекает только Ольджикан, приток Амгуни. Ольджикан течет среди нескончаемых мертвых болот, затянутых травой, торфяником, мелким кустарником и чахлым редколесьем. Участь этих кустарников и деревьев давно решена: рано или поздно их поглотит марь.

Там внизу, наверное, стоит тишина. Никакие ветры не в состоянии всколыхнуть гиблого покоя мари. Обходит ее стороной человек, далеко убегает зверь — ищет пропитания подалеже от этих мест. Разве только беда занесет сюда лося или косулю, убегающих от преследователей.

Глухи и безмолвны болота. Кажется, жизнь покинула их. Иногда промелькнет зеленая лужайка или веселый перелесок. И снова — чернота кочкарника да серая вода. Болота, болота, болота... Где-то здесь, за Чукчагирским озером и Амгунью, в 1938 году совершил вынужденную посадку самолет «Родина». Жители района имени Полины Осипенко приняли самое деятельное участие в поиске и спасении экипажа. Именно амгуньцам выпала честь первыми в стране поздравить с победой отважных летчиц Валентину Гризодубову, Марину Раскову, Полину Осипенко.

Бывшее село Керби... Вот что пишет о прошлом Приамгунья, в том числе и Кербинского района, географ А. А. Семенов: «У Приамгунья — долгая и многотрудная история. Впервые название реки Амгуни появилось на картах еще XVII века, когда сюда достигло одно из ответвлений потока землепроходцев, присоединивших Дальний Восток к России. Первые землепроходцы застали на Амгуни редкие малочисленные охотничьи, рыбацкие, оленные роды негидальцев, эвенков... Недалеко от села имени Полины Осипенко, в устье реки Немилен, в 1681 году был основан острог, один из двух, возникших тогда на Амгуни.

В половине прошлого века район исследовали соратники Невельского — Орлов, Бошняк и Чихачев. Позднее, в семидесятых годах, сюда, на реку Керби, пришли изыскатели; началась добыча золота. К 1899 году прииски Амгуньского бассейна дали 902 пуда 19 фунтов золота.

Однако непрочным, недолговечным и в значительной степени хищническим было первоначальное освоение Приамгуньского золотоносного района.

Гражданская война и американо-японская вооруженная интервенция вконец подорвали экономику Приамурья, как и всего Нижнего Амура. Крайняя заинтересованность японских промышленников в рыбных богатствах Амурского лимана, а американских капиталистов — в золотых россыпях придала действиям интервентов на Нижнем Амуре особо кровавый и разрушительный характер. Как известно, Николаевск-на-Амуре был сожжен, а золотая промышленность Нижне-Амурской области оказалась разрушенной. По Амгуни, через нынешнее село имени Полины Осипенко и далее на Кербинский прииск, а оттуда по растянувшейся на полторы тысячи километров таежной вьючной дороге до Чекунды,

откуда начиналось пароходное движение на Благовещенск, — ушло от кровавых расправ интервентов население Николаевска. С ним двинулась и часть кербинских приискателей.

Но оставшиеся сумели сохранить две драги, национализированные у Амгуньской золотопромышленной компании. Прекращение завоза продуктов на прииски привело к закрытию приисков. Однако рабочие-горняки, сражавшиеся в партизанских отрядах с интервентами, знали, что наступит время, когда пронизанные золотом увалы и россыпи Керби, Семи, Сулукиткана начнут отдавать свои богатства уже не капиталистам, а родному пролетарскому государству».

Вот показалась Амгунь — зеркальная змейка среди изумрудного ковра тайги. Она все ближе и четче. Уже видны ее многочисленные протоки, рукава, проточки и белесые отмели речных плесов. Солнечные отблески будто перебегают из одного рукава в другой, от одного острова — к следующему, и это напоминает забавную игру в догоняшки. Неожиданно среди зелени обозначились дома и деревянные строения старого старательского поселка.

Самолет садится на аэродром, у кромки которого спокойно пасутся коровы. Вид самолета и гул его их совершенно не тревожат. В иные дни здесь садится до десяти — двенадцати самолетов.

Идем к центру поселка улицей имени Валентины Гризодубовой. Через пятнадцать минут подходим к сельсовету. Он стоит на берегу Амгуни. В чистых ее струях купают ветви ива и черемуха. Опускаем тяжелые рюкзаки. Мимо проходит женщина средних лет. Знакомимся.

— Лия Сергеевна Максимова, — представляется она. Рассказываем о себе, спрашиваем, живут ли еще в селе участники экспедиции по спасению экипажа самолета «Родина». И нам сразу же везет.

Лия Сергеевна оживает:

— Как же... Вот только Николай Данилович Максимов прихворнул, в больнице он сейчас. Скоро девяносто лет человеку.

— Где его дом, Лия Сергеевна? — спрашиваем.

— Да вот, — показывает она. — Северная улица, дом три.

Надо сказать, что когда мы пришли потом в дом Максимова, то попали впросак. Входим, а нас встречает Лия Сергеевна.

— Простите, мы, видно, ошиблись, Лия Сергеевна, — остановились мы у порога. — Нам к Максиму.

— Вот и входите. Я же его невестка.

— Вот как! Это и лучше, у нас тут теперь свой человек.

Рядом с Лиёй Сергеевной стоят внуки Николая Даниловича: Гера, старший, учится в седьмом классе, Шурик перешел в шестой.

— А Павлик у нас только собирается в первый класс, но уже учится в музыкальной школе. Да вы проходите, проходите, садитесь, места всем хватит, — гостеприимно приглашает нас Лия Сергеевна.

Проходим, рассаживаемся. С интересом рассматриваем убранство дома, где живет с семьей прославленный следопыт негидалец Николай Данилович Максимов. Большой, просторный, светлый дом, каких мно-

жество в селе, современная обстановка. И в памяти невольно всплывает описание жилища негидальцев, которое дал исследователь И. Гапанович в начале нынешнего века. «Жилища строились из еловой и березовой коры, размером 4×3—1,5 метра. Внутри жилища протянуты жерди для сушки юколы, посредине выделялось место для очага, дым от которого выходил через квадратное отверстие в крыше. С наступлением холодов помещение отапливалось железным камельком, а дым отводился через железную трубу, пропущенную сквозь стену. От очага отгораживались жердями небольшие возвышенности — лежанки, на которых спали ногами к очагу, подстлав на землю еловые ветви и покрыв их шкурами сохатого».

Нетрудно представить, каков был уровень культуры у негидальцев в этот период. Прошло всего полвека — и такие перемены...

Для того чтобы сопоставить эти два периода жизни негидальцев — до революции и после, — стоит пройти по селу, побывать в одном-двух домах коренных жителей, поговорить со стариками.

Старший сын Максимова, Илья Николаевич, 1918 года рождения, в 1936 году окончил Ленинградский институт народов Севера имени Герцена. До призыва в армию работал председателем сельсовета села Каменки, что вверх по Амгуни, километрах в сорока от районного центра. В 1941 году вместе со средним братом Павлом ушел на фронт. Два года фронтовых дорог и боев. 1943 год. Сталинград. Здесь, под стенами города-героя, братья погибли. Аркадию тогда было шестнадцать. Он пришел в военкомат:

— Запишите добровольцем. Хочу на фронт. Надо отомстить за братьев.

Вскоре его взяли в армию. Был стрелком, пулеметчиком, служил в разведке, участвовал в боях с японскими самураями. А потом снова вернулся к мирной жизни в своем родном свободном крае, где испокон веков кочевали его предки-негидальцы.

В этот день мы познакомились со всеми Максимовыми, за исключением старейшины дома Николая Даниловича. Чтобы попасть к нему в больницу, надо было получить разрешение врачей. Встречу с ним мы запланировали на следующий день.

А теперь нам предстояло где-то устроиться на ночлег. Палатки у нас были, и мы уже хотели их поставить на берегу Амгуни, когда нас пригласила к себе в гости одна пожилая женщина — Анна Федоровна Гераськова, ныне пенсионерка, а в прошлом учительница начальных классов. Тридцать пять лет проработала она в районной школе с мужем, тоже педагогом, который когда-то был на приеме у Н. К. Крупской и приехал сюда по путевке комсомола учить детей исконных таежников — рыбаков и охотников.

Анна Федоровна оказалась настоящей «энциклопедией» района. Она-то нам и порекомендовала встретиться с Иваном Бонифатьевичем Зайцевым, старшиной катера.

Ивана Бонифатьевича разыскать было нетрудно — все в селе знают

его дом. Еще бы — до того, как стали летать в село самолеты, его катер был единственным средством сообщения с Николаевском. С 1933 года ходит он всегда по одному и тому же маршруту: район имени Полины Осипенко — Николаевск-на-Амуре. Туда и обратно 1040 км.

В дом Зайцевых мы пришли уже под вечер. Отец с сыном заканчивали укладку сена на зиму для коровы и, занятые делом, на нас не обратили внимания. Навстречу вышла хлебосольная хозяйка дома Мария Федосеевна, жена Ивана Бонифатьевича.

— Отец, это ведь к тебе гости.

— Чуток бы пораньше, когда сено привезли, а то припоздали, — Иван Бонифатьевич улыбается издали в ответ. — Приглашай в дом, последние навильники перебросим да тоже придем.

Хозяйка угостила нас парным молоком. Закончив дела, степенно зашел хозяин. И вот мы слушаем неторопливый и обстоятельный рассказ старого речника о том незабываемом его рейсе к месту посадки самолета «Родина».

— Я ходил уже пятую навигацию вообще и четвертую — капитаном, — рассказывает Иван Бонифатьевич. — Собрался в рейс. Накануне мы все в селе слышали гул самолета — это было в те времена событием значительным. И тут же стало известно, что это самолет отважных летчиц пролетел над нашим районом и совершил где-то неподалеку вынужденную посадку. Из Москвы нам было дано прямое указание — искать экипаж «Родины». По телефону мы связались с Николаем Даниловичем Максимовым, он в ту пору работал линейным монтером связи на Нилане.

— Слышал гул самолета? — спрашиваем у Максимова.

— Слышал, — отвечает. — И видел его, он делал круг над Амгунью.

— Мог самолет совершить посадку там, поблизости? Есть для этого такие места?

— Есть. Неподалеку от сопки Юкачи.

Мой рейс на Николаевск отменили. Было решено срочно идти со спасательной группой на катере вверх по Амгуни. Максимова попросили выйти навстречу на оморочке. Были суждения, что катер дальше Каменки не пройдет. В этот же день, 4 октября 1938 года, в десять часов вечера мы отправились в путь. В составе поисково-спасательной группы были фельдшер нашей больницы Калининченко, председатель райисполкома Козлов, начальник районного отдела МВД Трифонов и я. К полуночи достигли села Каменки.

Обстановка была сложной. Амгунь — капризная и коварная река. Многие из нас испытали ее норы на себе. Заломы, завалы, заторы, перекаты — все это было хорошо известно охотникам и рыбакам. Выше Каменки катера не ходили, только охотники да рыбаки поднимались на оморочках и преодолевали быстрое течение. Ночью мы собрали охотников, расспросили о наиболее опасных для судоходства местах, а перед рассветом вышли снова в путь. Достигли Ниланкана. Амгунь в этих местах разделяется на многие рукава, надо было точно угадать, где главный. За

Ниланканом встретили Максимова. Он спускался навстречу нам на берестяной оморочке.

Максимов хорошо знал русло Амгуни — в разную воду и в разное время ходил по реке. Он-то и был нашим проводником и лоцманом. Прошли с ним еще около двадцати километров, до Нилана оставалось еще километров двадцать пять. И здесь нам встретился завал. Амгунь в этом месте разделилась на три рукава, и главный из них перегородили поваленные деревья. Мы решили разобрать завал. Пилили, рубили, растаскивали. Адский это труд: осенний холод, быстрое течение, а работать надо в воде. Более четырех часов разбирали завал, по очереди опускались под воду. Тут появился над нами самолет, он указывал направление, куда держать путь. Далее до Нилана завалов не встречалось.

От катера на Нилане пришлось отказаться — мелководье. Пересели на оморочки, взятые ранее в Каменке у охотников. Преодолевая перекаты, уже в темноте с трудом успели достигнуть контрольного пункта, где жил Максимов. А утром вышли в сторону сопки Юкачи. В этом месте, по словам Максимова, была большая марь.

— Если самолет мог сесть, то только там, — сказал бывалый таежник.

И вот до сопки Юкачи уже осталось недалеко.

— Кто мастер лазать по деревьям? — спросил Максимов. — Надо посмотреть с дерева, самолет, должно быть, уже видно.

Калиниченко полез на высокую лиственницу. Горела тайга, видимость была плохая. Но вскоре он кричит:

— Самолет, самолет!

А потом он увидел около него и людей:

— Ходят люди! — кричит.

Мы обрадовались, дали несколько выстрелов сигнальных и быстрее пошли к самолету — куда делась и усталость. Здесь было редколесье, потом мы вышли на марь. До самолета оставалось километра четыре, когда мы услышали выстрелы — это летчицы подавали сигналы Марине Расковой. Когда они нас увидели, закричали «ура!» и бросились нам навстречу.

— Это была незабываемая для нас встреча. — Иван Бонифатьевич останавливается, не в силах побороть волнение. — Столько лет минуло, а все помню, будто вчера произошло. Спасибо Максиму. Если бы не он, мы бы не смогли так быстро найти самолет. У самолета было только стекло погнуто, а больше повреждений он не имел. Совершил посадку он неподалеку от ключа Дашли.

К этому времени летчиц уже обнаружили самолеты поисковой авиагруппы и сбросили им продукты.

Надо было срочно искать Марину Раскову. Она была штурманом, а командир Валентина Гризодубова вела самолет и приказала ей прыгнуть с парашютом, чтобы сохранить в случае катастрофы документы. Раскова приземлилась где-то километрах в десяти от самолета.

На поиски Расковой пошли Максимов, Калиниченко, Козлов и Три-

фонов. И вскоре встретились с ней. При приземлении она зацепилась за дерево, поцарапала ногу, ушиблась и, вдобавок ко всему, потеряла унт — он утонул в мари. А уже наступали холода, кое-где лежал небольшой снег.

В этот же день, а это было шестого октября 1938 года, мы двинулись в обратный путь к Нилану. В иных местах Раскову несли на носилках — у нее почти не было сил двигаться. По Нилану спустились на оморочках, а сам Максимов остался нести свою бессменную службу монтера линейного участка связи. Когда дошли до устья Нилана, здесь я теперь уже все хорошо знал. Мы перебрались на катер, и я повел его в Керби.

Хорошее впечатление у меня осталось от встречи с летчицами. Они оказались общительными и любознательными — их очень многое интересовало: и мы, их спасители, и наши села, и наша жизнь, и река, и природа. Они шутили и не теряли присутствия духа, несмотря на все передраги полета и невеселой жизни в таежном одиночестве. Они были очень мужественны, эти женщины. И в Керби жители по достоинству оценили их героический полет и мужество — устроили им восторженную встречу.

На этой встрече — она проходила у старого клуба — летчицы рассказывали о полете. Как оказалось, они сбились с маршрута из-за плохих метеорологических условий. Дважды пересекали Амур в надежде пробиться к Комсомольску и там совершить посадку. Но в третий раз они вышли на Амгунь и ошибочно приняли ее за Амур. К этому времени в бензобаках кончилось горючее, и в результате — вынужденная посадка.

Самолет «Родина» обнаружил в тайге летчик Сахаров. После этого летчицам были сброшены продукты и медикаменты, а потом к ним на парашюте спустился врач Тихонов. Летчицы были удивлены, что врач прыгнул с парашютом, им это понравилось.

Потом, после встречи с кербинцами, летчицы доложили правительству об успешном выполнении задания и вскоре разговаривали по телефону со своими родными.

Из Керби мне снова посчастливилось взять летчиц на катере. Одели мы их в теплые полушубки, выделили двух поваров — Покровского и Ковалева, чтобы лучше их покормить в пути после таких испытаний и пережитого. Марина Раскова больше лежала в каюте, она была еще слаба, и врач Тихонов сидел около нее. По пути мы сделали остановку в Демьяновке. Осмотрели колхоз. Летчицы познакомились и поговорили с жителями, пообедали. А потом уж я их довез до Тахты, где их ожидали катера из Комсомольска-на-Амуре.

Иван Бонифатьевич заканчивает свой рассказ, а мы удивляемся, как это его память хорошо сохранила такие подробности.

— Такое, брат, в жизни бывает один раз, потому и живо все. Да к тому же, — смеется Иван Бонифатьевич, — мы ведь амурские. Кому же, как не нам, все помнить-то! С 1933 года хожу по Амуру и Амгуни. Пенсия мне уже полагается, амурскому водохлебу, но работаю, пока душа на покой не просится. Сколько катеров уже сменил: «Дальневос-

точник», «Приморзолото», «Старатель», «Зенит», «Прибой». А теперь вот — «Жемчуг». Многое знаю о здешних местах. А если чего и запомнил о летчицах, то вы поговорите с Максимовым, старик все помнит, и он же сыграл тогда главную роль в поиске. Если бы не он, еще не известно, как бы все обернулось...

Утром следующего дня внуки Николая Даниловича Максимова проводили нас к своему деду. Навстречу поднялся седой коренастый человек в больничной одежде.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — отвечает.

Лицо все в морщинах, но глаза — молодые, смотрят на нас с интересом. Знакомимся. А потом мы слушаем его рассказ, незабываемый рассказ человека, прожившего в этих краях восемьдесят девять лет. |

— До революции мы все кочевали, чтобы царь не мог нас найти, — веселые, с лукавинкой, искорки играют в глазах Максимова, и он с хитринкой смотрит на нас.

Родился Николай Данилович в охотничьем стойбище, которое стояло на реке Каменке. Его сородичи добывали пушнину, отстреливали зверя на мясо, кочевали на оленях и собаках. Пушнину скупали за бесценок купцы.

Долго мы слушаем рассказ Максимова о его жизни, о поиске и спасении экипажа самолета «Родина».

Участники спасения экипажа «Родина» были награждены орденами. 3 июля 1939 года Николаю Даниловичу Максимову в Москве был вручен орден Красного Знамени. Все помнит Николай Данилович.

— Я увидел самолет высоко-высоко. Дошел он до Амгуни и сделал круг, — рассказывает Николай Данилович. — Было похоже, что хочет садиться, место высматривает. А потом солнце стало закатываться, самолет скрылся. А мне интересно, думаю, вот скоро будем не только на собаках ездить да плавать на оморочках, но и на самолетах летать. Вечером мне звонят из Комсомольска:

— Видел, самолет летал?

— Видел, — говорю. — Летал, круг делал.

— Самолет потерялся.

— Может быть, это он.

И тут же позвонили из Керби, попросили, чтобы я спускался на оморочке по Нилану и Амгуни вниз, чтобы встретить катер со спасательной группой. А уже поздно. У нас ведь быстро темнеет: только солнце спряталось за сопки, сразу темно делается. Но я пошел. Реки знакомые. Вырос я на них — все до камешка знаю. Река поет и плещется, вода быстрая, перекаты, завалы встречаются часто. Но оморочка на воде, как рыбка, — идет вниз хорошо, я уж по шуму только определяю, где завал, где перекат. Если слушать ночную реку, то она много скажет. Километров через сорок, уже на рассвете, встретил катер.

— Мне в те годы ничего не было страшно, — оживляется Николай Данилович, — ни ночь, ни река. Когда мы искали самолет, я был еще совсем молодой, — улыбается он.

Напомним, что тогда ему уже было под шестьдесят.

На прощание желаем Максиму скорейшего выздоровления.

— Негоже болеть охотнику.

Смеется:

— Да-да. Я еще в тайгу походить думаю, болеть мне совсем рано.

Больница стоит неподалеку от Амгуни. Одна из улиц бывшего села Керби тянется вдоль берега реки. Иногда Максимов выходит сюда, на этот молчаливый берег, и воспоминания волнами накатываются на него...

— Старое Керби теперь не узнать, — говорят старики.

Из небольшого села золотоискателей и охотников оно выросло в крупный районный центр, где есть учреждения культуры, свой аэропорт, интернат, школа, больница, коопзверопромхоз. Здесь выходит своя районная газета, работает радиоузел. А строительство жилых домов и культурных учреждений все расширяется.

Район имени Полины Осипенко — богатый район. Он дает стране золото, пушнину. Здесь живут в основном золотодобытчики и охотники, многие из которых потомственные. В последние годы широкое развитие в районе получает лесозаготовительная промышленность, животноводство, частично сельское хозяйство. В коопзверопромхозе разводят ценных пушных зверьков и занимаются заготовкой ягод и грибов.

Напряженной жизнью живет молодежь, комсомольцы и школьники района. В особом почете у них спорт: стрелковый, велосипедный — сельские велогонки здесь не редкость, баскетбол, футбол, туризм, волейбол и другие виды. Комсомольцы — застрельщики многих интересных дел.

В райкоме комсомола мы познакомились и с отважным советским пограничником комсомольцем Алексеем Павловым, который после службы на границе вернулся снова в родной поселок Бриакан, где живут и работают его родители. Алексей служил на заставе Героя Советского Союза Виталия Бубенина. Командир отделения сержант Алексей Павлов вернулся со службы тоже с наградой — за исполнение воинского долга по охране рубежей Родины он награжден орденом Красного Знамени. До службы на границе Алексей Павлов закончил Хабаровское ГПТУ № 20, где получил специальность газосварщика. Работал на заводе «Амурсталь» в Комсомольске-на-Амуре. И еще одна приятная неожиданность ожидала нас в поселке. Оказывается, и командир героической заставы Виталий Бубенин жил и учился в районе имени Полины Осипенко, дом его родителей почти рядом с райкомом комсомола, а одна из улиц села отныне носит его имя.

— Молодежи у нас скучать не приходится, — говорит первый секретарь райкома КПСС, который пригласил нас на дружескую беседу. —

Работают, учатся, занимаются спортом, отдыхают — клуб в их распоряжении. Конечно, не обходится без трудностей, но где их нет, скажите? Главное, с каждым годом возможностей для многостороннего развития человека больше. Вот, например, музыкальную школу открыли...

Секретарь райкома КПСС рассказал нам о районе и его будущем, о людях, о планах на ближайшие годы. В районе планируется дальнейшая разведка природных богатств, она теперь получает все более глубокое научное обоснование. Освоение ресурсов будет идти комплексным путем, с учетом перспективного развития района. Первый секретарь поинтересовался нашим дальнейшим маршрутом, спросил, все ли мы сделали, что было запланировано, помог решить несколько неотложных вопросов и пожелал нам доброго пути.

— Будете возвращаться, заходите, поделитесь опытом, расскажете нашим комсомольцам о походе, пусть и наши туристы пройдут этим маршрутом...

К вечеру 25 августа интересующие нас материалы о районе, его людях и истории были в основном собраны. Заведующий радиоузлом Павел Федорович Сеницын прокрутил нам записанные на магнитофонную ленту воспоминания участников спасения экипажа самолета «Родина». Утром следующего дня планируем выехать в Попутное на почтовой машине. Она уходит из села в девять утра. Впереди сто двадцать километров пути.

Тихое утро. Но, несмотря на жаркое солнце, — свежо.

— Ох и веселая дорога, — улыбается молодой и, кажется, отчаянный шофер, — раз проедешь, еще захочется. Приколдовала ведь меня. Но вы не бойтесь, ребята, она и вам понравится.

— А мы и не боимся. Небось не кусается?

— Кусаться не кусается, но норовистая, ведьма. Что ж, держитесь крепче, чтоб кости не рассыпались в кузове...

Темные, непроглядные хвойные чащи, светлые, как русские горницы, березовые рощи, веселые косогоры бегут и бегут вдоль обочины дороги. Вверх — вниз, вверх — вниз качает нас дорога на своих качелях. Взбегают на взгорки, крадется в распадки, ныряет под полог рощ, карабкается на старые увалы. То справа, то слева покажется Сахарная Голова — снежная вершина. На нее поднимались местные охотники, и многие думают, что мы идем именно туда, не подозревая, что дальше есть еще более высокая вершина. Ненадолго остановились мы у голубичной мари, а затем зашли в богатый малинник, где сочные ягоды падали на ладонь, лишь только дотронешься до них. Вспорхнет ли птица или пробежит зверек, пропоет ли ручей или баловник-ветер качнет молодую стройную лиственницу — все это ты, родная природа отчего края...

Мы едем по району золотодобытчиков. Звериными тропами, руслами рек, большими и малыми ручьями издавна пробирался сюда человек.

Село Керби. Река Керби. Золотое дно Керби... До революции здесь

оседал разный люд. Старые, заросшие шурфы старателей нет-нет да и встретишь в тайге. Кажется, что попал в глушь, и вдруг там, где вроде еще не ступала нога человека, встречаешь почерневший от времени пень от срубленного дерева или остатки давно истлевшего костра. Значит, здесь уже побывал человек, шесть-семь десятков лет назад он бил здесь шурфы, промывал в лотке песок, среди которого сверкали драгоценные крапинки. Максимов еще помнит Керби, когда здесь было всего два-три старательских домика. Конечно же, добыча золота велась примитивным и хищническим способом. Никто не думал в те далекие годы об экономическом развитии района, о жизни старателей. Хозяину прииска важно было любым способом добыть золото, а там — хоть трава не расти.

Ныне добыча золота и освоение других природных богатств ведется современными техническими средствами. Разведаны промышленные запасы драгоценного металла. Золотоискатели живут в добротных домах, многие из них — старожилы, люди, выросшие на этой земле.

По дороге мы остановились на обед в Бриакане.

— Надо подзаправиться, ребята, — сказал нам шофер Александр Коноплев, — а то до Попутного все вытрясет эта дорога.

В столовой повара угостили нас вкусным и сравнительно дешевым обедом. Вместе с нами обедали молодые золотодобытчики — общительные и хваткие парни, за словом в карман не лезут. Подобные качества нередко наблюдаешь у людей, охочих до большого, жаркого дела. Оказалось, что ребята люди здесь новые. «Приехали посмотреть Дальний Восток да себя в деле попытать». Вот и оказались на прииске в Бриакане. В поселке около семисот жителей. Есть все условия для нормальной жизни. Добыча металла ведется здесь с помощью драг и гидромониторов.

В этих краях нередко можно встретить искателей приключений или искренне влюбленных в природу людей. Она здесь и в самом деле красива и щедра. Да и заработать можно на прииске неплохо. Даже для молодых золотодобытчиков заработок в триста — триста двадцать рублей считается нормальным, если ты работаешь на совесть.

За Бриаканом дорога петляет по горным лугам, вокруг крутолобых сопок и молчаливых марей, мимо брусничных косогоров. Обновляющиеся гари, ползущий по сопкам стланик, полыхающая в долинах и распадках рябина мелькают перед взором. А в шаге от дороги — уйма грибов. Конец августа — время зрелости природы. Дорога поднимается все выше и выше, машина то надрывно гудит на крутых виражах подъемов, то вовсе умолкает на спусках. В пору дождей и весеннего распутия трудно здесь приходится шоферам.

Вскоре ненадолго остановились, чтобы взять почту, в небольшом, но красивом поселке Веселом. Это километрах в восемнадцати от Бриакана. При въезде — красочная арка с добрым приветствием путнику. Неподалеку течет речка Сулукиткан. На ней погромыхивает драга. У соседнего с почтой дома бабка отчитывает за что-то озорников внучат — маль-

чишку и девчущку, и они стоят, виновато опустив головы. На велосипедах подъехали двое подростков.

— Здравствуйте, орлы.

— Здравствуйте.

Щелкают орешки кедрового стланика. Угощают нас:

— Хотите орешков?

— Что ж, не откажемся. Сами собираете?

— Сами. Их тут полно. А вы, наверное, на Сахарную Голову пойдете? — показывают они на горы.

— Нет, дальше, вверх по Нилану, к хребту Дуссэ-Алинь. Там гора выше, но ее не видно отсюда.

У мальчишек завистливо горят глаза, когда они узнают, что среди нас есть альпинисты.

— Хочется в горы? — спрашиваем.

— Хочется. Мы летом ходили. Но скоро теперь в школу.

— Старайтесь хорошо учиться, а в горы будущим летом сходите, — говорим на прощание.

Неподалеку от Попутного по руслу речушки Нангремакит потянулся серый отработанный отвал. А вскоре в пламенеющих разрывах предзакатного неба между высокими зелеными вершинами показались выцветшие на солнце шиферные и тесовые крыши поселка Попутного. Въезжаем на единственную улицу, которая просматривается от начала до конца. Оглядываемся на освободившуюся от туч Сахарную Голову, отрезанно возвышающуюся над неохватным горизонтом. Александр Коноплев с экспедитором Владимиром Свиридьюком, сдав почту и наскоро пообедав, двинулись в обратный путь.

Ужинали мы в поселковой столовой. А вечером встретились с охотником Федором Васильевичем Куликовым. С 1948 года он в Попутном. Добывает золото, промышляет в тайге. Прошлой зимой добыл 32 соболя, не считая других ценных пушных зверьков: норку, колонка, горностая, белку, выдру. Между прочим, опытный охотник упомянул о том, что медведи подходят к самому поселку — «почти вместе с коровами пасутся». Но еще не было случая, чтобы медведь задрал корову или лошадь. Куликов нам рассказал о Нилане, он охотился в тех местах, дал хорошие советы на дорогу. А местный житель Юрий Черноокий согласился присоединиться к нашей группе и совершить восхождение на вершину. Он поднимался с друзьями по замерзшему Нилану почти к его истокам — до тех мест, где расположены, как их здесь называют, «Скалы».

Холодный вечер. В неприветливом небе вызрели крупные звезды. Вершины гор высвечены их сиянием. У нас все готово к маршруту: уложены рюкзаки, подогнана обувь, одежда; с собой берем самое необходимое, лишний груз оставляем в Попутном. В последний раз склоняемся над маршрутной картой. Что ожидает нас впереди?..

К верховьям Нилана

Хмурое утро. Восток плотно закрыт темными тучами. Но в одном месте между ними образовался небольшой разрыв, и в него бьют ослепительные лучи солнца. А когда человек видит солнце, то у него появляется надежда на лучшее. На ближайшей сопке пасется белая отара облаков. Выходим из поселка. Несмотря на ранний час, нас догоняет на мотоцикле начальник участка золотодобычи Николай Иванович Сметанин.

— Заходите на Нилан, посмотрите, как мы добываем золото, — приглашает он.

— Зайдем, — отвечаем, — мы уже знаем, что это нам по пути.

Вскоре до слуха доносится шум гидромониторов. Сметанин встречает нас. Здесь, на участке, с помощью водяных струй золотоносная порода размельчается и прогоняется сквозь промывочные приборы, в которых металл оседает вместе с песком и породой. Последняя операция — отделение золота — проводится вручную. Условия труда здесь нелегкие. Добытчики золота работают почти всегда в воде, в резиновых сапогах и куртках. И несмотря на то, что их труд оплачивается довольно высоко, любителей «длинных рублей» на Нилане немного. А если и попадет в коллектив такой человек, то очень скоро поймет, что погоня за деньгами ничего общего с добычей золота не имеет.

Добытчики золота — народ покладистый и степенный. Умеют на совесть работать, любят природу, свой край. Вот один из них — Павел Устинович Свиридюк. Сорок лет добывает в этих местах золото уважаемый всеми старатель.

— Первая гидравлика пущена здесь, на реке Сивак, в 1941 году, — рассказывает он. — Жили мы в фанзах, породу промывали в деревянных бутарах, длиною десять — двенадцать метров. Зимой, когда замерзала земля, добыча велась шахтным способом. Работали в забоях вручную, породу вывозили на поверхность на тачках. С нынешней добычей не сравнить. Теперь техника всему голова. На Нилане гидравлика работает около десяти лет. Богата, щедра земляца наша. Но я последний сезон добываю золото, — говорит Павел Устинович. — Свое отработал, детей со старухой вырастили, надо передохнуть немного. А там видно будет. Сидеть сложа руки не думаю...

Мы смотрим на золотодобытчиков и думаем о том, что нелегко дается золото. А они смотрят сочувственно на нас:

— Небось тяжело такие рюкзаки таскать?

— Да-а... с таким рюкзаком нас и пряником на гору не заманишь, — шутят они.

Прощаемся:

— Ждите через неделю...

Пятьдесят лет назад в Попутном уже мыли золото. До сих пор по

Нилану сохранились отводные каналы, ребра которых схвачены очень хорошо сохранившимися жердями.

Идем по напорным трубам, по которым вода подается к гидромониторам. Там, внутри, давление более четырех атмосфер. Труба, более метра в диаметре, проложена по мари, и путь по ней — единственный здесь. Труба поднимается на склон сопки и неожиданно кончается у водного канала. Мы все в недоумении задаем друг другу вопрос: а как же создается такое высокое давление в трубе?

Смотритель канала Алексей Гаврилович Подглазов раскрывает нам секрет этого уникального гидротехнического сооружения. Оказывается, давление создается за счет массы воды в трубе, которая на расстоянии примерно в два километра идет с перепадом высот в 40—50 метров. И никаких насосных станций, никакой электроэнергии! Наоборот, эта вода под большим давлением вращает турбину генератора, который дает электроэнергию в поселок и на участок золотодобычи. Водный канал, или заводской канал, как его здесь называют, отходит от Нилана в семи километрах отсюда.

Мы идем вдоль него. В одном месте вода течет по сплоткам — высокому деревянному желобу. Здесь строители не могли проложить канал по склону — мешали крутизна, скалистый грунт и небольшие ущелья. Воду пленили семь лет назад. И все эти годы сплотки работают безотказно.

Переправа через Нилан. Первая наша переправа через водную преграду. Кажется, что Нилан спокоен. Здесь его ширина около пятнадцати — двадцати метров. Но стоит только ступить в воду, как сильные упругие струи сбивают с ног. Карабкаемся на небольшую левобережную возвышенность и уходим в глубь тайги.

И вот уже не слышно шума Нилана. Высокие деревья распростили над нами свои безмолвные кроны и словно замерли в дремоте. Но на каждый шаг человека откликается природа. Хрустнула под ногой валежина, упала с листка росинка, долго качается случайно задетая ветка...

Доносится издали рокот Нилана и отдаляется вновь.

Мы идем его левым берегом, срезая излучины. Трудно идти по тайге. То непроходимая чаща преградит путь, то заросшие мхом скользкие глыбы, то упавшие деревья. И каждый шаг дается непросто. Пересекли два ручья. Один из них пенными каскадами летит с высоты прямо в Нилан. Первый привал, второй... Отдыхаем над ручей. Тамара Лавриненко — наш завхоз — каждому выдает по пять кусочков сахара и кусочек хлеба. Внизу бушует Нилан.

Сверяем с картой свой путь. Недалеко от места нашей первой запланированной ночевки должен встретиться ручей. Вскоре мы услышали его мерное пение. Спускаемся к самому Нилану. Некоторое время продираемся по заросшей кустарником, высокой травой и деревьями низине, на которой то и дело полыхает заманчивыми гроздьями красная смородина. Наконец впереди мелькнул просвет, и мы вышли на галечную

косу. Нилан здесь разделяется на два рукава, на мыске между рукавами — заброшенное зимовье. Ставим палатки и готовим ужин.

Утром, когда Нилан еще дымится туманом, выходим к его правому рукаву. Идти берегом невозможно — непроходимые дебри, заросли кедрового стланика. Двигаемся руслом.

Вскоре нас остановил мощный скалистый прижим. Переходим на левый берег. Взору открывается высокая вершина. Сверяем маршрут и уточняем, что это за вершина, — может быть, наша? Но из-за туч, скрывших ее наполовину, трудно сказать что-то определенное. Мало-помалу привыкаем к шуму воды. По пути срываем ягоды жимолости. Жимолость — ранняя ягода. Но здесь, в горах, она, видимо, созревает много позднее, а потому даже на исходе лета ее много. Она уже чуть перезревшая и при легком прикосновении сама падает на ладонь. В одну из остановок набрали шишек кедрового стланика, поджарили их на костре и вылутили орешки.

Там, где поток прижимается к скалам, переходим его вброд. С каждым километром выше по течению Нилан превращается в сплошной пенный водопад. С камня на камень летят его струи, с гудением разбиваясь на уступах. Эта сумасшедшая пляска воды сопровождает нас до самого заката.

Пот заливает лицо. Ремни рюкзака до боли впились в плечи. Промокли ноги. Но сегодня вода уже не кажется такой ледяной — мы притерпелись. Поскользнулась на камне и приняла «водную купель» Клара Хабибуллина. Через некоторое время ее «примеру» последовал и я. Никогда раньше я не представлял, что так труден путь с рюкзаком в горах. Порой мне казалось, что я уже не в силах сделать очередной шаг. И лишь молчаливое упорство товарищей заставляло идти и идти вперед.

Минули еще одну развилку реки. Чем выше поднимаемся, тем крупнее глыбы в русле. У самой развилки они разбросаны, как пирамиды. А вот взору открылась скальная гряда, будто выложенная у подножья большими глыбами и плитами. Она вздымается высоко в небо, наподобие темных вороньих перьев. Неужели это те самые «Скалы», к которым мы стремимся?

Через час, обессиленные, останавливаемся на ночлег в березовой роще, неподалеку от гряды. Кажется, что обомшелые стволы старых деревьев надели шубы, спасаясь от холода и ночи. Поставлены палатки. Позади — трудный день. Трещит костер. У костра человек не ведает страха и одиночества. И лишь недавно казалось, что дальше двигаться нет сил, а глядишь — через три-четыре часа снова повинуются тебе руки и ноги.

Опускается вечер. Над черными куполами гор взошла звезда. Земля погружается во всевластие ночи. Лишь мерцающий свет тихо льется с неба на задумчивые вершины да у прохладной струи Нилана на дне черной долины подрагивает трепетное пламя костра. Здесь люди согревают своим дыханием огромную ночь...

...Прекрасны горы на рассвете. Кажется, что само небо опирается на их неколебимые вершины. Над скальной грядой поднимается солнце, и трудно оторвать взор от игры света и теней в ущельях и скалах. Природа — великолепный скульптор. Она убрала все лишнее, и застывшие каменные грани предстают в неповторимой гармонии. И вдруг из этой череды каменных глыб и нагромождений взгляд выхватывает фигуру окаменевшего человека.

Мы стоим, потрясенные увиденным.

На одном из склонов к вершине устремилась цепочка «людей». Они даже подались чуть вперед, словно под тяжестью трудного пути. А неподалеку от Каменного Человека природа вытесала из глыбы птицу, чем-то напоминающую ворона. На следующий день на вершинах этой скальной гряды мы услышали зловещий голос ворона и назвали ее грядой Вороньи Перья.

А сегодня мы сверили расположение «Скал» с картой и пришли к выводу, что наша высота находится еще выше по Нилану. Чтобы отыскать ее и наметить дальнейший путь, решили подняться на одну из близлежащих вершин.

Наш путь неожиданно пересекает звериная тропа. Крупные следы лосей словно впечатаны в мелкие влажные осыпи среди мхов и камней. Туда, к гольцам, в царство буйных ветров поднимаются из долин лоси, спасаясь от гнуса.

На полпути сделали небольшой привал. Отсюда, с южного склона, долина Нилана как на ладони. Там, где Нилан поворачивает на северо-запад, мы увидели пенистый водопад и только теперь поняли причину шума в долине, долетающего даже сюда. Километрах в двух на запад от водопада сверкнула голубая льдинка озера. Клара Хабибуллина делает снимки фотоаппаратом, поддался соблазну и Валерий Круглов.

И вот мы достигли обзорной высоты. Прямо перед нами, замыкаясь гигантским цирком с юго-запада на северо-восток, высоко в небо вздымается скальный гребень. У подножья его голубой жемчужиной сверкает озеро. Скальный гребень состоит из множества вершин, господствующая из них расположена почти в самом центре. С вершины скального гребня до подножья тянется каменный желоб. Суровые тени лежат на горах. Они вместе с хитросплетениями трещин создают подобие замысловатых узоров. И только ключ, пробившийся из скалы над озерком, несколько оживляет этот каменный мир.

Сверяем по карте расположение вершин, хребтов и озер. Делаем снимки, записи. Намечаем путь, по которому завтра будем совершать восхождение на вершину. Решено идти по скальному гребню с юго-востока. Спускаемся к водопаду по стланику, мхам, осклизлым камням, расщелинам и обнаженным корневищам. И вот мы у заветной скалы. Великолепен этот нескончаемый бег бурлящего потока с высоты. Он чарует, завораживает, убаюкивает. Долина усиливает шум водопада. И вот уже эхо разносит его песню по горам. Долго еще у нас в ушах стояло могущественное гудение водопада.

С вершины мы видели недалеко от лагеря два небольших окошечка-озерца. Валерий Круглов, Юрий Черноокий и я отправились их исследовать. Оказалось, что это болотца метров по сорок—пятьдесят длинной, спрятанные среди непроходимых дебрей стланика. Дно их — очень вязкое, илистое. Палка уходит в ил более чем на метр, но твердого грунта еще не касается. Видно, дно состоит из отмерших растений, водорослей, а также хвойных и растительных остатков, принесенных сюда ручьями и вешними водами со склона соседнего хребта. По дороге к лагерю набрали грибов — их здесь хоть косой коси. На ужин у нас был грибной суп. Особенно вкусным он нам показался после того как Круглов сказал, что в грибах содержится большое количество витаминов.

Ранним утром мы уже были готовы к восхождению. С собой взяли два рюкзака, уложили в них альпинистское снаряжение, продукты на обед и вымпел, который мы должны установить на вершине. И вдруг Валерий Круглов сделал неожиданное открытие:

— А знаете, друзья, мы находимся на острове.

И в самом деле, только теперь мы обратили внимание, что Нилан обходит рошу с двух сторон.

Начали восхождение под песню Нилана. Здесь он заметно становится все уже и уже. И вскоре у горной седловины, там, где река поворачивает на запад, он больше напоминает ручей. Вон там, у самой вершины, из небольшого ключа берет свое начало Нилан.

Пересекли седловину. Достигли подножья горной гряды. Теперь наш путь — круто вверх, к самому гребню. Увидели еще одно озеро, восточнее и ниже того, которое лежит внутри гряды. Здесь берет начало второй источник Нилана. Наш путь — сплошное нагромождение камней, расщелины, глыбы и скалы, поросшие скользкими, обманчивыми мхами. Чем выше, тем труднее.

Вышли на гребень. Идем среди скальных выступов, делая кратковременные передышки. Солнце давно перевалило за полдень. Мы уже поднялись на такую высоту, что Вороньи Перья кажутся нам карликами и до вершины совсем недалеко: она от нас через два выступа на гребне. Неожиданно наш путь перерезает глубокий провал. Отвесная стена уходит далеко вниз. Короткое совещание у пропасти. Ясно, что нам это ущелье не преодолеть. У нас нет специального снаряжения, да к тому же двое в группе — я и Юрий Черноокий — не имеют опыта скалолазания.

Времени уже три часа дня. А в горах темнеет внезапно, лишь только солнце спрячется за вершины. Да, неудача постигла нас. Горькое разочарование. А ведь цель была уже так близка. Мы думали, что с ходу преодолеем подъем, но это не так-то просто. Завтра повторим восхождение. Пойдем от озера по каменному желобу, ведущему прямо к вершине.

От водопада мы с Юрием Черноокиим решили пройти по гребню Вороньих Перьев. Поднялись на гребень. Сперва тропа вилась между больших камней, затем вжалась в скалы. Вот и Каменный Человек. Три глыбы, надвинутые одна на другую, составили его фигуру, она словно вырастает из скал. Сходство необычайное...

Первые признаки холода мы почувствовали, когда уже в сумерках поднялись на высшую точку Вороньих Перьев. Вот не спеша пролетела какая-то птица. Скорее всего она напоминала черную тень, мелькнувшую на фоне черных скал. И вскоре в скалах мы слышали ее зловещий крик. Почти мгновенно начало темнеть, и холод надвигающейся ночи еще плотнее окутал нас.

С гребня Вороньих Перьев мы спускались уже в темноте. И только далеко внизу, будто на самом дне все еще сгущающейся ночи, трепетно подрагивал маленький огонек костра в нашем лагере — временном приюте у подножья Вороньих Перьев.

Вернулись в лагерь мы где-то уже около полуночи. Видимо, обеспокоенные столь долгим нашим отсутствием, товарищи подали нам сигнал выстрелом из карабина. Мы были уже недалеко от лагеря и откликнулись.

Сегодня 31 августа. Последний день лета. Погода нас явно балует — эта неделя была солнечной, теплой. Альпинизм — нелегкая штука. Но сегодня мы настроены решительно. Вчерашняя неудача не поколебала наших намерений. Пробираясь сквозь заросли и двигаясь по склону, в одиннадцать утра, мокрые от росы, мы уже вышли к озеру. Вот мы стоим на своеобразной арене каменного амфитеатра. От озера к скальной гряде простирается буйный высокогорный луг. Его изумрудная зелень настолько сочна и ярка, что кажется, щедрый художник не пожалел красок и выплеснул их сюда, на дикий берег.

Снова выходим на штурм вершины. Что ждет нас впереди? Сумеем ли мы взойти на высшую точку? Максимально соблюдая все правила восхождения, движемся по каменному желобу.

Клара Хабибуллина напоминает мне про яблоки. Я достаю их из рюкзака. Они освежают, снимают усталость и прибавляют сил. А я вспоминаю, как были мы недовольны (мужская половина), что Клара берет еще яблоки в поход, где каждый килограмм веса на учете. «Женская прихоть не знает предела», — помнится, подумал я тогда. Но Клара, опытная участница многих экспедиций на Памире и Кавказе, все же настояла на своем.

И снова — наверх. Каждый камень — как настороженная мина. Сердце замирает, когда он колыхнется под ногой. Затруднено дыхание. Пульс — 117 ударов в минуту. Вершина уже недалеко. Цепляемся за небольшие выступы и расщелины. Да, мы все-таки взойдем на эту вершину. Теперь мы в этом почти уже уверены. Еще одна передышка. Опять подъем. Последние метры... Вершина!..

...Какая невероятная тишина стоит здесь, у поднебесья! Взору открываются самые дальние дали. На юг, на север, восток и запад — горы, горы, горы. Мы стоим на хребте, который является водоразделом. Отсю-

да одни реки бегут на восток, другие — на запад. Из четырех ручейков сливается Нилан, а из озера, вон за той вершиной, берет начало один из истоков Лево́й Буреи. Когда человек поднимается на вершины, он многое видит окрест. И то, что ранее было недоступно взору, открывается перед ним во всем своем величии, красоте и неповторимости. И только здесь, на вершине, человек по-настоящему понимает, что не зря он сюда стремился. Мы видим, где рождаются наши быстрые, прозрачные реки, взгляду доступны отроги хребтов, голубой простор, уплывающий в бесконечность. Какие еще неоткрытые клады хранят они, труднодоступные, седые, но вечно зовущие горы?

Клара Хабибуллина и Валерий Круглов делают съемки. Юрий Хисматуллин, Тамара Лавриненко и я склоняемся над картой. Затем Валерий Круглов приступает к сборке штоков вымпела, а мы пишем записку тем, кто взойдет сюда после нас, и укладываем ее в капсулу. В записке следующий текст: «Дорогие друзья! Мы поднялись на эту вершину. Пусть она и не так высока, но путь к большим вершинам лежит через малые высоты. И пусть эта покоренная вами высота будет лишь ступенью к еще более недоступным вершинам». Среди камней устанавливаем вымпел. На полированной его поверхности выгравированы слова: «*Столетнему юбилею со дня рождения вождя пролетарской революции В. И. Ленина посвящается это восхождение*». И с другой стороны надпись: «Альпинисты ДСО «Спартак» города Комсомольска-на-Амуре. Август — сентябрь 1969 года». Укладываем капсулу с запиской у подножья вымпела. В последний раз окидываем взглядом горы. Взяв на память камни с вершины, начинаем спуск...

Вечером мне и Юрию Черноокому друзья устроили торжественное посвящение в альпинисты. Горел костер, звучала гитара, может быть, впервые здесь, под сводами древней тайги, звенели песни.

На следующий день, в первый день осени, мы исследовали озеро, из которого вытекает Левая Бурея. Здесь оказалось еще два небольших озерца среди непроходимых зарослей стланика.

Сегодня сумрачная, унылая погода. Словно кто-то набросил на все окружающее серую пелену. Иногда моросит нудный дождь. Но когда сквозь завесу туч пробьются солнечные стрелы, все вокруг оживает и преображается.

Мы собирали голубицу, грибы, шишки кедрового стланика, чтобы как-то пополнить свой запас продуктов за счет щедрой природы. Грибной суп, голубица с сахаром, хлеб и чай — такое меню теперь у нас не редкость.

К вечеру погода совсем испортилась. Всю ночь барабанил и хлестал дождь, качались и скрипели над нами большие деревья, резкие порывы ветра колыхали и рвали палатку. Шумела река...

Утром второго сентября покидаем лагерь — наш временный приют у подножья Вороньих Перьев. И снова мы идем звериными тропами. Где-

то среди гольцов буреинских хребтов бродят стада диких северных оленей, по распадкам и долинам пасутся сторожкие лоси. Горностая и росомаху, рысь и выдру, медведя встретить здесь нехитрое дело, если только ты осторожен в тайге и твой приход не тревожит зверя. Здесь обитают кабарга, лисица, косуля и многие другие звери и зверюшки; расселены и прекрасно приживаются ондатра и норка.

По словам охотника Куликова, здесь особенно много соболя. «Плотность его расселения значительно выше обычной». Объясняется это обилием кормов, в первую очередь. Чем богаче тайга, тем меньше участок, на котором соболь ищет себе пропитание. Соболь очень неприспособлен в питании. Он нападает на мелких копытных, птиц, может питаться грызунами, а в трудное время даже ягодами и орехами.

Что и говорить, богата здесь тайга и самым крупным, и самым дорогим и ценным зверем. И совсем не случайно принято решение о создании в районе одного из крупнейших заповедников Дальнего Востока, площадью в пятьсот тысяч гектаров. В настоящее время охотоведы, зоологи, ботаники ведут здесь научные исследования и изыскания. В заповеднике природа будет сохранена в своем первоначальном состоянии.

...Как трудно расставаться с этими величественными деревьями, звонкоструйными реками и задумчивыми вершинами гор над зеленым безбрежием тайги! Наш путь — все вниз и вниз, вместе с певучим студеным потоком, в долину. Мы выдержали испытание горами. Наш вымпел стоит на вершине. Вернемся ли мы сюда снова?.. Гуляйте, вольные ветры! Бунтуй, кипящий водопад! Шуми, глухая тайга... Прощайте, горы, мы полюбили вас!..